

Е.С. Соколова

ПОЛИТИКА ПАМЯТИ В НАДСОСЛОВНЫХ ИДЕОЛОГЕМАХ РОССИЙСКОГО КОРОНАЦИОННОГО ЦЕРЕМОНИАЛА (КОНЕЦ XVIII – ПЕРВАЯ ТРЕТЬ XIX ВВ.)

Статья посвящена выявлению надсословных политико-юридических стратегий, которые применялись российской правящей элитой в ходе институционализации самодержавной власти монарха и обеспечения его доминирующего положения в политической системе Российской империи. С политико-юридической точки зрения сословное законодательство рассматривалось как основной инструмент воздействия носителей самодержавия на все социальные слои общества с целью концентрации социально-политических ресурсов для достижения общегосударственных интересов. Неэффективность правовых средств, дающих возможность поддержать имидж верховной власти в патерналистском ключе, предопределила особое внимание официальных кругов к визуально-мнемоническим средствам и репрезентативным возможностям политики памяти. Идеологический потенциал политической практики, нацеленной на формирование массовых представлений о монархе как единственном гаранте стабильного общественного устройства, прослеживается на примере эволюции коронационного церемониала конца XVIII – первой трети XIX вв.

Ключевые слова: политика памяти; политическая практика; надсословная стратегия; самодержавие; сословное законодательство; политическая идеология; государственный патернализм; коронационный церемониал.

Сведения об авторе: Соколова Елена Станиславовна, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры истории государства и права, Уральская государственная юридическая академия; 620137, Россия, г. Екатеринбург, ул. Колмогорова, 54; e-mail: elena.sokolova1812@yandex.ru

Elena S. Sokolova

THE POLITICS OF MEMORY IN THE SUPRA-VERBAL IDEOLOGIES OF THE RUSSIAN CORONATION CEREMONY (LATE XVIII – FIRST THIRD OF XIX CENTURIES)

The article is devoted to the identification of supranational political and legal strategies that were used by the Russian ruling elite during the institutionalization of the monarch's autocratic power and ensuring its dominant position in the political system of the Russian Empire. With political and legal point of view, class legislation was seen as the main tool of the media exposure of the autocracy in all social strata with the purpose of concentration of socio-political resources to achieve national interests. The ineffectiveness of legal means, which make it possible to maintain the image of the Supreme power in a paternalistic way, predetermined the spe-

cial attention of official circles to the visual-mnemonic means and representative possibilities of memory policy. The ideological potential of political practice aimed at the formation of mass ideas about the monarch as the only guarantor of a stable social system is traced on the example of the evolution of the coronation ceremony of the late XVIII – first third of the XIX centuries.

Keywords: memory policy; political practice; overhead strategy; autocracy; estate legislation; political ideology; state paternalism; coronation ceremony.

About the author: Elena S. Sokolova, Candidate of Law, Associate Professor, Associate Professor of the Department of History's State and Law, Ural State Law Academy, Ekaterinburg, Russia

Российские законодатели первой трети XIX в. последовательно ориентировались на создание модели надсословной самодержавной монархии, институциональной основой которой являлась легитимация доминирующего положения монарха в политической системе Российского государства. Речь в данном случае шла о создании юридических условий для обеспечения равновесия частных и публичных интересов правовыми средствами, что способствовало расширению репрезентативных средств воздействия на правосознание целых страт и отдельных лиц того или иного сословного статуса. Особое внимание к данному направлению юридической политики было предопределено длительным отсутствием детально разработанного механизма правового регулирования в области воздействия на сословную структуру общества.

Юридическая обязанность лиц всех правовых состояний активно содействовать «государственному интересу» в ряде случаев поддерживалась мнемоническими средствами репрезентативного значения. Их социально-политический эффект, ориентированный на образы исторической памяти, был значительно выше, чем поверхностное знакомство неискушенных в тонкостях юриспруденции лиц с постоянно пополнявшими действующее сословное законодательство нормами сепаратных указов.

Успех данных инициатив базировался на продуманном конструировании имиджа верховной власти в патерналистском духе при мощном воздействии на правосознание сословий элитарных западных конструкций полицейского государства, дополненных старомосковским представлением о патриархально-вотчинной сущности взаимодействия между государем и его подданными. В этих условиях законодатель испытывал настоятельную потребность в разработке визуально-мнемонических идеологем, обеспечивающих массовое восприятие надсословной модели самодержавия.

Обращение к мемориальной политике способствовало актуализации политико-юридического начала коронационных сценариев. Это сказалось и на стратегии церемониального текста, некоторые особен-

ности которого были сформированы в период конца XVIII – первой трети XIX вв., прочно вошли в политическую практику последующего времени и заслуживают предметного внимания. В частности, к моменту коронации Павла I, которая состоялась 5 апреля 1797 г. и, в соответствии с византийской традицией, включавшей обряд коронования императрицы Марии Федоровны, светский компонент уже доминировал над церковным канонам. Порядок религиозного церемониала был усложнен за счет включения в коронационную службу большого количества молитв, направленных на прославление сакральной природы самодержавной власти и несущих идеологическую нагрузку [Манифест. О назначении коронации 1830: 243-244; Высочайше утвержденное Установление 1830: 569-587; Акт 1830: 587-589].

Визуально-мнемоническим прологом к коронации Павла I, которая состоялась 5 апреля 1797 г., стала церемония перезахоронения императора Петра III, состоявшаяся сразу же после смерти Екатерины II [Уортман 2002: 233]. Таким образом, на знаковом уровне воспроизводилась модель нового порядка престолонаследия. Степени агнатокогнатического родства определялись в зависимости от семейной близости претендента на трон к императору-родоначальнику. В то же время коронационный церемониал предусматривал жесткую субординацию внутри императорской фамилии. Например, 29 марта 1797 г. во время торжественного въезда императора в Москву Павел I верхом проехал по улицам первопрестольной столицы, приветствуя подданных, как «отец отечества» со шляпой в руке. Константин и Александр Павловичи, тоже верхами, держались поодаль [Чин 1797: 2-5; Жмакин 1883: Т. XXXVII. № 3, 533-534; Скоробогатов 2003: 147-157].

Церемония императорского шествия предусматривала демонстрацию военной силы в духе имперского цезаризма. Это вполне согласовывалось с идеологической установкой Павла I на возрождение патриотического духа периода правления Петра Великого [Уортман 2002: 235; Жмакин 1883: 535-537]. В текстовых стратегиях коронации 1797 г. хорошо прослеживается взаимосвязь притязаний нового императора на роль религиозного лидера и модели «регулярного государства», в котором статус каждого лица зависит от его заслуг, «помноженных» на благоволение императора [Коронационный сборник 1899: 95-99; Жмакин 1883: Т. XXXVII. № 3, 534-535, 537].

Некоторые действия Павла I носили декларативный характер и шли вразрез с компромиссной политикой его предшественников в отношении Святейшего Синода. Существует, например, версия, не подтвержденная официальным чином коронования, согласно которой Павел I, пользуясь присвоенным себе статусом «главы церкви», сам вошел в алтарь для святого причастия без посредничества московского митрополита [Жмакин 1883: Т. XXXVII. № 3, 536].

Если подобный образ действий действительно имел место, то его стратегия постулировалась возвращением к древнему обычаю облачения государя в далматик. Это священное одеяние, заимствованное из греческого коронационного ритуала, напоминало старомосковский саккос, придавая императору ореол наместника Бога, самостоятельно определяющего основы церковной политики [Уортман 2002: 237].

Обращение к этому западноевропейскому обычаю позволяло Павлу I заявить на уровне репрезентации об объединении в одном лице верховной власти государя-самодержца и священнического сана. После завершения коронационного чина он, не выходя из Успенского собора, зачитал указ о престолонаследии, освятив, таким образом, его предписания как коронованный государь и глава православной церкви [Коронационный сборник 1899: 97].

Следует констатировать, что коронационный сценарий 1797 г. с его ярко выраженным прагматизмом в области утверждения ценностно-юридического аспекта самодержавной власти, имел в виду, прежде всего, воздействие на правосознание верхов дворянства. В Успенский собор были допущены только особы первых двух классов, преданность которых престолу должна была в дальнейшем стать основой законодательной политики Павла I в области возрождения служилой роли высшего сословия Российской империи. Смысловой доминантой коронации 1797 г. следует считать многочисленные пожалования чинов, орденов, командорских имений и крестьян, которыми Павел I ознаменовал день своего коронования. Ведущую роль в поведенческих стратегиях «романтического императора» играло стремление выделить тех сановников, деятельность которых определяла функционирование властно-административных структур, обеспечивающих реализацию самодержавного принципа [Манифест. О трехдневной работе помещичьих крестьян 1830: 587; Канцлер князь Безбородко 1877: 209-211; Список 1867: 131-148].

Преобладание продворянских мотивов в организации коронации и придворных праздников способствовало нивелировке государственно-правового значения прочих сословий Российской империи. Данная тенденция впоследствии нашла отражение в законодательной политике Павла I, цель которой заключалась в укреплении военно-служилой иерархии и возрождении тягловой системы взаимоотношений между императорской властью и дворянством.

В иной политико-юридической плоскости моделировалась коронация Александра I [Жмакин 1883: Т. XXXVIII. № 4: 2; Уортман 2002: 267, 269-270]. Законодательная стратегия первых лет его правления мотивировалась соображениями «общего блага» и, в целом, продолжала предшествующую традицию просветительской политико-правовой риторики. основополагающая политико-юридическая роль в формировании имиджа справедливого и просвещенного государя, про-

являющего отеческую заботу об интересах всех российских сословий, принадлежала высочайшим инициативам в области регулирования социальной мобильности [Манифест. О имеющей быть Коронации 1830: 650; Именной, данный Сенату. О распоряжениях к имеющей быть Коронации 1830: 650-651; Коронационный сборник 1899: 100].

Сохранившиеся описания народных гуляний, ознаменовавших коронацию Александра I, пронизаны верноподданническими настроениями и, в основном, являются отражением частного мироощущения тех лиц, которые, по тем или иным причинам, симпатизировали молодому императору. Тем не менее, обращение к данным материалам позволяет сделать вывод об отсутствии спонтанности в организации ряда массовых увеселений, которыми сопровождался коронационный обряд. Решающая роль в моделировании их семантической стратегии оставалась за аналогичными сценариями 1762 г. Например, 19 сентября, через три дня после коронации, на Сокольничьем поле был организован большой праздник для народа, удостоенный высочайшим посещением августейшей фамилии и всего Двора [Жмакин 1883: Т. XXXVIII. № 4: 3-7].

В дни коронации обращение к уже апробированной при Екатерине II модели духовного единства государя и его подданных на основе включения в церемониальный текст элементов народной культуры было продиктовано общим направлением законодательства первых месяцев нового царствования, в котором возрождались правовые ценности управления «по законам и по сердцу». Практическим подтверждением этой юридической декларации стал приуроченный к коронации манифест от 15 сентября 1801 г., в котором был закреплён широкий спектр императорских милостей по отношению к лицам всех сословных состояний в области уголовного права [Манифест. О воспоследовавшем короновании 1830: 788-789; Именной, данный Сенату. Об учреждении Комиссии 1830: 789-790].

Намерение молодого императора пересмотреть во имя процветания вверенного ему Богом государства наиболее одиозные концепты самодержавной власти, имевшие место в царствование Павла I, нашло отражение в некоторых знаковых кодах церковного церемониала. Прежде всего, из коронационного сценария навсегда исчез далматик как символ императорского величия и строгого следования законодательно закреплённым нормам наследования при передаче престола.

Отказ от далматика, который по византийской традиции надевали только мужчины, должен был служить символическим напоминанием о возможности передачи престола по женской линии в случае отсутствия в императорской фамилии прямых агнатов. Таким образом, возвращение к старому образцу коронационного облачения было оборотной стороной желания Александра I созидать такой вариант законной монархии, где юридическая истина не должна была приноситься в жертву человеческим заблуждениям и политической конъюнктуре. Ту

же цель преследовала церемония коронации императрицы Елизаветы Алексеевны, во время которой молодой государь снял с себя корону и коснулся ею чела коленапреклоненной супруги [Коронационный сборник 1899: 102; Церемония 1801: 2-22]. В итоге основная политико-правовая доминанта коронационного сценария 1801 г. сводилась к легитимации принципа законности, нивелирующего любые проявления субъективизма в реализации верховной власти.

Коронация Александра I, с которой началось новое столетие в истории России, наметила контуры политико-юридической модели, в рамках которой старомосковский традиционализм в деле персонификации верховной власти утратил свое генерирующее значение и стал восприниматься как дань исторической основе самодержавия. В схожих исторических условиях формировалась концептуальная основа российской охранительной идеологии, определившей в 1830-1850-х гг. как общее направление законодательной политики Николая I, так и репрезентативные стратегии его времени.

«Дело декабристов» лишь послужило отправной точкой в активизации тех консервативно-охранительных начал, которые уже имели место до восшествия Николая I на престол и определялись не только внутренними потребностями Российского государства, но и конструктивными переменами в международно-правовой сфере после падения наполеоновской Франции. Именно это обстоятельство в значительной мере способствовало утверждению династического сценария в коронации 1826 г. и церемониальном тексте последующего периода.

Исторические реминисценции в духе романтических конструкций придворной историографии, интерпретирующей обряд коронации, как высшее проявление сплочения нации вокруг самодержца, стали наиболее важной знаковой чертой коронационного обряда 1826 г. В его репрезентативной стратегии преобладала идея героизации верховной власти с целью достижения ее всесловной поддержки. Об этом, в частности, говорил в своей речи московский архиепископ Филарет во время церемонии целования креста, которая проходила по церковному чину после совершения миропомазания и причащения. Весь происходивший в Успенском соборе церемониал был направлен на прославление духовного подвига Николая I, спасшего православное царство от гибели и, подобно библейскому Соломону, ставшему образцом благочестия для своих подданных. В соответствии с официальной оценкой декабризма в манифесте, содержащем приговор всем участникам восстания на Сенатской площади, любовь к Отечеству освящалась религиозными чувствами [Коронационный сборник 1899: 107; Уортман 2002: 381; Зубарев 1826: 126-136, 279-295, 301-303; Венчание 1839: 1-5]. Обнародование манифеста о коронации происходило на Красной площади перед памятником Минину и Пожарскому, что должно было напомнить

присутствующим о необходимости сплочения верховной власти и народа [Свиньин 1826: Т. XXXI. Кн. 89, 374-375, 384-385].

Отголоски государственнического идеала хорошо прослеживаются в тональности официальных публикаций 1827 г., посвященных подробному описанию коронационного торжества в Москве. Важно отметить свойственный этим сочинениям дух патриотизма. Его основное проявление сводится к интерпретации отношений подданства в традиционалистском духе, когда личная верность к государю оценивается как политическая добродетель, не требующая правовой унификации подданных прав и обязанностей [Свиньин 1826: Т. XXXI. Кн. 89: 374-375].

По свидетельству очевидцев, приглашенные на коронацию лица были стратифицированы по сословным группам, что должно было подчеркнуть государственно-политическое значение каждой категории подданных. Присутствовали здесь и представители ряда национальных регионов, что создавало иллюзию необъятности границ Российской империи. Эти имперские амбиции получили мощное визуально-мнемоническое воплощение, стратегия которого моделировалась с учетом некоторых аллюзий старомосковского происхождения, постулированных представлением о вселенском значении Русской державы [Свиньин 1826: Т. XXXI. Кн. 89: 371, 377-378; 388].

Несмотря на ярко выраженный общенациональный дух коронации 1827 г., не следует преувеличивать юридический смысл ее «народных» мотивов, в которых доминировал традиционалистский принцип взаимодействия монарха и подданных, предполагающий сохранение сословного неравенства на законодательном уровне [Свиньин 1826: Т. XXXI. Кн. 87: 26-27, 29; Кн. 92. 353, 348-349; Жмакин 1883: Т. XXXVIII. № 4: 8-14].

Эта особенность визуально-мнемонических стратегий коронационного торжества хорошо прослеживается на примере некоторых политико-правовых сюжетов праздничного фейерверка, состоявшегося 23 сентября перед зданием московского Кадетского корпуса. Символика этого помпезного и вместе с тем искусно продуманного «огненного зрелища» была посвящена «Успокоителю Отечества, Николаю Первому» и, в целом, воспроизводила в эмблематических картинах государственнические мотивы концепции «общего блага» [Свиньин 1826: Т. XXXI. Кн. 92: 363].

Ту же цель в значительной мере преследовали и военные маневры, проходившие в Москве по случаю коронации. В то же время эти военные «экзерциции» напоминали по четкости действий их участников петровскую модель регулярного государства, где каждый подданный российского императора должен был занять место в сословной иерархии, соответствующее его государственному предназначению [Свиньин 1826: Т. XXXI. Кн. 92: 361, 363, 365-366].

Таким образом, была сведена к нулю опасность нивелировки государственно-юридического значения самодержавной власти в деле поддержки социально-политического равновесия между различными правовыми состояниями Российского государства. При длительном отсутствии эффективного правового механизма, способного обеспечить реализацию принципа законности не только на уровне обеих столиц, но и в масштабах всей Российской империи, основной акцент был сделан в пользу разработки дифференцированных по своим текстовым стратегиям мнемонических кодов. Их направленность соответствовала правовой политике, рассчитанной на закрепление в правосознании разных сословных категорий религиозно-патерналистской доктрины самодержавного государства при помощи наглядных форм трансляции идеологических постулатов.

Список источников и литературы

- Акт 1830** – Акт, Высочайше утвержденный в день священной Коронации Его Императорского Величества, и положенный для хранения на престол Успенского Собора. 1797. – Апреля 5 // ПСЗ I. Т. 24. № 17910. С. 587-589.
- Венчание 1839** – Венчание русского царя: (Из воспоминаний очевидца) // Журнал Министерства народного просвещения. Литературное прибавление. 1839. № 1. С. 1-5.
- Высочайше утвержденное Установление 1830** – Высочайше утвержденное Установление о Российских императорских орденах. 1797. – Апреля 5 // ПСЗ I. Т. 24. № 17908. С. 569-587.
- Жмакин 1883** – Жмакин В. И. Коронации русских императоров и императриц. 1724-1856 // Русская старина. 1883. Т. XXXVII. № 3. С. 499-538. Т. XXXVIII. № 4. С. 1-36.
- Зубарев 1826** – Зубарев Д. [О коронационных торжествах Императора Николая Павловича и Императрицы Александры Федоровны в Москве] // Вестник Европы. 1826. № 21/22. С. 126-136; № 23/24. С. 279-295, 301-303.
- Канцлер князь Безбородко** – Канцлер князь Безбородко. (Первый месяц Павловского царствования. – Милости в коронацию. – Канцлерство. – Родственные сношения. – Московский дом (Политические дела)). Статья Н. И. Григоровича // Русский архив. 1877. Кн. 2. С. 198-232.
- Коронационный Сборник 1899** – Коронационный Сборник, с соизволения Его Императорского Величества Государя Императора издан Министерством Императорского Двора / составлен под ред. В. С. Кривенко. СПб.: Экспедиция заготовления Государственных Бумаг, 1899. Т. 1. 415 с.

- Манифест. О воспоследовавшем короновании 1830** – Манифест. – О воспоследовавшем короновании Его Императорского Величества и о даровании по сему случаю разным народу милостях. 1801. – Сентября 15 // ПСЗ I. Т. 26. № 20011. С. 788-789.
- Манифест. О имеющей быть Коронации 1830** – Манифест. – О имеющей быть Коронации Его Императорского Величества в Сентябре месяце. 1801. – Майя 20 // ПСЗ I. Т. 26. № 19877. С. 650.
- Манифест. О назначении коронации 1830** – Манифест. – О назначении коронации Императора Павла I и Императрицы Марии Федоровны в Москве в Апреле месяце 1797 года. 1796. – Декабря 18 // ПСЗ I. Т. 24. № 17659. С. 243-244.
- Манифест. О трехдневной работе помещичьих крестьян 1830** – Манифест. – О трехдневной работе помещичьих крестьян в пользу помещика, и о непринуждении к работе в дни воскресные. 1797. – Апреля 5 // ПСЗ I. Т. 24. № 17909. С. 587.
- Именный, данный Сенату. Об учреждении Комиссии 1830** – Именный, данный Сенату. – Об учреждении Комиссии для пересмотра прежних уголовных дел. – С приложением Именного указа, в руководство оной Комиссии данного. 1801. – Сентября 15 // ПСЗ I. Т. 26. № 20012. С. 789-790.
- Именный, данный Сенату. О распоряжениях к имеющей быть Коронации 1830** – Именный, данный Сенату. – О распоряжениях к имеющей быть Коронации Его Императорского Величества. – 1801. – Майя 20 // ПСЗ I. Т. 26. № 19878. С. 650-651.
- Свиньин 1826** – Свиньин П. Историческое описание священнейшего коронования и миропомазания Их Императорских Величеств Государя Императора Николая Павловича и Государыни Императрицы Александры Федоровны, августа 22 и всех предшествовавших и последовавших за оным торжеств и увеселений, в Москве 1826 года // Отечественные записки. 1827. Т. XXXI. Кн. 87. С. 26-59; Кн. 88. С. 170-211; Кн. 89. С. 369-396; Кн. 90. С. 23-52; Кн. 91. С. 199-229; Кн. 92. С. 347-366; Кн. 93. С. 377-384.
- Скоробогатов 2003** – Скоробогатов А. В. Коронация Павла I // Человек. 2003. № 6. С. 147-157.
- Список 1867** – Список о всех милостях, излианных покойным государем Павлом I, в день его коронации, 5 апреля 1797 года. Сообщил М. И. Семевский // Чтения в Обществе истории и древностей Российских. 1867. Т. 1. V. Смесь. С. 131-148.
- Уортман 2002** – Уортман Р. Сценарии власти. Мифы и церемонии русской монархии: в 2 т. М.: ОГИ, 2002. Т. I. От Петра Великого до смерти Николая I. 606 с.
- Церемония 1801** – Церемония торжественного вшествия в царствующий град Москву и коронация Государя Императора Александра I. М.: б. и., 1801. 23 с.

Чин 1797 – Чин действия, каким образом совершилось Всевысочайшее Его Императорского Величества Коронование по церковному чиноположению. М.: в Синодальной тип., 1797. 20 с.

References

Akt 1830 – Akt, Vysochajshe utverzhennyj v den' svyashchennoj Koronacii Ego Imperatorskago Velichestva, i polozhennyj dlya hraneniya na prestol Uspenskago Sobora. 1797. – Aprelya 5 // PSZ I. T. 24. № 17910. S. 587-589.

Ceremoniya 1801 – Ceremoniya torzhestvennogo vshestviya v carstvuyushchij grad Moskvu i koronaciya Gosudarya Imperatora Aleksandra I. M.: b. i., 1801. 23 s.

Imennyj, dannyj Senatu. Ob uchrezhdenii Kommissii 1830 – Imennyj, dannyj Senatu. – Ob uchrezhdenii Kommissii dlya peresmotra prezhnih ugovolnyh del. – S prilozheniem Imennago ukaza, v rukovodstvo onoj Kommissii dannogo. 1801. – Sentyabrya 15 // PSZ I. T. 26. № 20012. S. 789-790.

Imennyj, dannyj Senatu. O rasporyazheniyah k imeyushchej byt' Koronacii 1830 – Imennyj, dannyj Senatu. – O rasporyazheniyah k imeyushchej byt' Koronacii Ego Imperatorskago Velichestva. 1801. – Maja 20 // PSZ I. T. 26. № 19878. S. 650-651.

Kancler knyaz' Bezborodko 1877 – Kancler knyaz' Bezborodko. (Pervyj mesyac Pavlovskogo carstvovaniya. – Milosti v koronaciyu. – Kanclerstvo. – Rodstvennye snosheniya. – Moskovskij dom (Politicheskie dela)). Stat'ya N. I. Grigorovicha // Russkij arhiv. 1877. Kn. 2. S. 198-232.

Koronacionnyj Sbornik 1899 – Koronacionnyj Sbornik, s soizvoleniya Ego Imperatorskago Velichestva Gosudarya Imperatora izdan Ministerstvom Imperatorskago Dvora / sostavljen pod red. V. S. Krivenko. SPb.: Ekspediciya zagotovleniya Gosudarstvennyh Bumag, 1899. T. 1. 415 s.

Manifest. O imeyushchej byt' Koronacii 1830 – Manifest. – O imeyushchej byt' Koronacii Ego Imperatorskago Velichestva v Sentyabre mesyace. 1801. – Maja 20 // PSZ I. T. 26. № 19877. S. 650.

Manifest. O naznachenii koronacii 1830 – Manifest. – O naznachenii koronacii Imperatora Pavla I i Imperatricy Marii Feodorovny v Moskve v Aprele mesyace 1797 goda. 1796. – Dekabrya 18 // PSZ I. T. 24. № 17659. S. 243-244.

Manifest. O trekhdnevnoj rabote pomeshchich'ih krest'yan 1830 – Manifest. – O trekhdnevnoj rabote pomeshchich'ih krest'yan v pol'zu pomeshchika, i o neprinuzhdenii k rabote v dni voskresnye. 1797. – Aprelya 5 // PSZ I. T. 24. № 17909. S. 587.

- Manifest. O vosposledovavshem koronovanii 1830** – Manifest. – O vosposledovavshem koronovanii Ego Imperatorskago Velichestva i o darovanii po semu sluchayu raznyh narodu milostyah. 1801. – Sentyabrya 15 // PSZ I. T. 26. № 20011. S. 788-789.
- Skorobogatov 2003** – Skorobogatov A. V. Koronaciya Pavla I // Chelovek. 2003. № 6. S. 147-157.
- Spisok 1867** – Spisok o vsekh milostyah, izliyannyh pokojnym gosudarem Pavlom I, v den' ego koronacii, 5 aprelya 1797 goda. Soobshchil M. I. Semevskij // CHteniya v Obshestve istorii i drevnostej Rossijskih. 1867. T. 1. V. Smes'. S. 131-148.
- Svin'in 1826** – Svin'in P. Istoricheskoe opisanie svyashchennejshego koronovaniya i miropomazaniya Ih Imperatorskih Velichestv Gosudarya Imperatora Nikolaya Pavlovicha i Gosudaryni Imperatricy Aleksandry Fedorovny, avgusta 22 i vsekh predshestvovavshih i posledovavshih za onym torzhestv i uveselenij, v Moskve 1826 goda // Otechestvennye zapiski. 1827. T. XXXI. Kn. 87. S. 26-59; Kn. 88. S. 170-211; Kn. 89. S. 369-396; Kn. 90. S. 23-52; Kn. 91. S. 199-229; Kn. 92. S. 347-366; Kn. 93. S. 377-384.
- Uortman 2002** – Uortman R. Scenarii vlasti. Mify i ceremonii russkoj monarhii: v 2 t. M.: OGI, 2002. T. I. Ot Petra Velikogo do smerti Nikolaya I. 606 s.
- Venchanie 1839** – Venchanie russkogo carya: (Iz vospominanij ochevidca) // Zhurnal Ministerstva narodnogo prosveshcheniya. Literaturnoe pribavlenie. 1839. № 1. S. 1-5.
- Vysochajshe utverzhdennoe Ustanovlenie 1830** – Vysochajshe utverzhdennoe Ustanovlenie o Rossijskih imperatorskih ordenah. 1797. – Aprelya 5 // PSZ I. T. 24. № 17908. S. 569-587.
- Zhmakin 1883** – Zhmakin V. I. Koronacii russkih imperatorov i imperatric. 1724-1856 // Russkaya starina. 1883. T. XXXVII. № 3. S. 499-538. T. XXXVIII. № 4. S. 1-36.
- Zubarev 1826** – Zubarev D. [O koronacionnyh torzhestvah Imperatora Nikolaya Pavlovicha i Imperatricy Aleksandry Fedorovny v Moskve] // Vestnik Evropy. 1826. № 21/22. S. 126-136; № 23/24. S. 279-295, 301-303.
- Chin 1797** – Chin dejstviya, kakim obrazom sovershilos' Vsevysochajshee Ego Imperatorskago Velichestva Koronovanie po cerkovnomu chinopolozheniyu. M.: v Sinodal'noj tip., 1797. 20 s.